

КУЛЬТУРОСООБРАЗНЫЕ ПРАКТИКИ

DOI 10.24411/1813-145X-2018-10188

УДК 008.009

Т. Б. Ильинская

<https://orcid.org/0000-0003-2690-7930>

Научное общество как форма творчества ученых и социокультурный феномен

Статья представляет собой анализ материалов по истории науки, дающих возможность уяснить роль научных обществ в развитии творчества ученых. Автора данной статьи прежде всего интересовала не роль научных обществ в развитии науки, а личностное, «человеческое», и социально-культурное измерения проблемы, то есть выбор ученого между участием в различных профессиональных ассоциациях и научным одиночеством. Материалом для решения данной проблемы послужили мемуары и эпистолярный ученых, а также историографические материалы, сопровождающие деятельность отечественных научных обществ в период с XIX до середины XX в. Особенный интерес в контексте названной проблемы вызывает Российское минералогическое общество: его недавний 200-летний юбилей (2017 г.) был ярким свидетельством жизнеспособности этой формы взаимодействия ученых, и в центре внимания автора предлагаемой статьи были те «центростремительные силы», которые позволили сохранить Минералогическое общество, тогда как многие другие научные общества распались. В ходе анализа названных материалов выделяются следующие мотивы, определяющие работу ученого в рамках научного общества: простор для личной инициативы, возможность консолидации усилий, материальное обеспечение исследований. Были установлены дополнительные стимулы для членства в научном обществе: Общество как послеуниверситетская школа, Общество как хранитель традиций научной этики, Общество как транслятор культурных ценностей научного сообщества, Общество как гарант преемственности в науке. Эти мотивы определяют ряд особенностей мемуарной прозы ученых, в которой заметное место занимают образы научного родства («родной дом», «научная семья»), а также такие категории, как «научная совесть», «научный долг». Кроме того, в статье делается вывод о двойном генезисе отечественных научных обществ, которые, с одной стороны, продолжали европейскую традицию взаимодействия ученых, а с другой – явились новой формой организации научных исследований, которая с середины XIX в. становится ведущей.

Ключевые слова: научное общество, науковедение, Российское минералогическое общество, научная этика, мемуаристика, история науки, наука как социокультурный феномен.

CULTURE CONFORMABLE PRACTICES

T. B. Ilinskaya

Scientific Society as a Form of Scientists' Creativity and a Socio-Cultural Phenomenon

The article is an analysis of materials of the history of science, providing an opportunity to understand the role of scientific societies in the development of scientists' creativity. The author of this article was primarily interested not in the role of scientific societies in the development of science, but in the personal, «human» dimension of the problem. The choice of a scientist between participation in various professional associations and scientific loneliness. The material for solving this problem was the memoirs and epistolary of scientists, as well as historiographic materials accompanying the activities of Russian scientific societies (primarily the Russian Mineralogical Society) in the period from the XIX to the middle of the twentieth century. The recent 200th anniversary of the Russian Mineralogical Society was a vivid testimony to the viability of this form of interaction among scientists, therefore the author focused on the centrifugal forces that allowed the Mineralogical Society to be preserved, while many other scientific societies disintegrated. In the course of the analysis of the above-mentioned materials, the following motives are outlined that determine the work of the scientist within the scientific community: scope for personal initiative, the possibility of consolidating efforts, material support for research. Additional incentives were identified for membership in the scientific community: Society as a post-graduate school, the Society as the guardian of the traditions of scientific ethics, the Society as a translator of cultural values of the scientific community, the Society as a guarantor of continuity in science. These motives determine a number of features of the memoir prose of scientists, in which a prominent place is occupied by images of scientific kinship («home», «scientific family»), and also such categories as «scientific conscience», «scientific duty». In addition, the article concludes that there is a double genesis of Russian scientific societies, which, on the one hand, continued the European tradition of interaction between scientists, and on the other – a new form of scientific research organization, which since the mid-19th century has become a leading one.

Keywords: scientific society, science, Russian mineralogical society, scientific ethics, memoirs, history of science, science as a socio-cultural phenomenon.

Науковедение знает немало разнообразных форм организации научной деятельности: научно-исследовательские институты, научные общества, кружки, научные школы, семинары, коллоквиумы и пр.

Научное общество в ряду разнообразных форм взаимодействия ученых занимает особое место. С одной стороны, это ассоциация, организованная «снизу», в отличие от государственных научных учреждений, которые становятся местом службы. С другой стороны, научное общество носит более формальный характер, чем, положим, научные кружки или семинары, роль которых в истории науки также чрезвычайно велика. Примерами таких неофициальных научных объединений могут служить знаменитые по воспоминаниям Н. В. Тимофеева-Ресовского «трепы», на которых серьезные научные проблемы обсуждались в подчеркнуто непринужденном, даже юмористическом, тоне [12, с. 230].

Цель предлагаемой статьи – уяснить, какие мотивы побуждали российских ученых участвовать в деятельности отечественных научных обществ. Какую ценность для них представляла данная форма научного творчества? Что побуждало крупнейших ученых отдавать столько сил организационным, порой рутинным, делам научных обществ, отрывая время от чистой науки?

Для разрешения этих вопросов необходимо обратиться не столько к юбилейному красноречию, сколько к таким материалам, как мемуаристика и переписка ученых. В поле нашего зрения – документы по истории русской науки двух столетий: XIX в., во второй половине которого научные общества стали ведущей силой в отечественной науке [11, с. 72], а также XX в. Среди рассматриваемых научных обществ особое место занимает Российское минералогическое общество, которое позволяет осознать роль такого рода научных объединений на большом историческом отрезке (XIX–XX вв.). Мало того, его недавно 200-летие заставляет задуматься об истоках такого исключительного долголетия.

О жизненных силах, которые содержит в себе этот вид интеллектуального и межличностного взаимодействия, имеется немало свидетельств. Среди них – недавние факты восстановления научных обществ. В качестве примера можно назвать возрождение Русского исторического

общества, которое было запрещено в 1917 г., но в 2004 г. возобновило свою деятельность. Из более ранних событий такого рода следует назвать восстановление в 1959 г. Ленинградского математического общества, которое в конце 1920-х гг. приняло решение о самороспуске по следующей причине: «В конце 20-х гг. ситуация в стране становилась все более тяжелой для независимо мыслящих людей, и ученых в частности; началась охота за реальным и сочиненным инакомыслием. Она не обошла и такую, казалось бы, стоящую вне политики науку, как математика. Различные общества были не в почете. История гонения, в которое включились как полуграмотные активисты, так и серьезные математики, нуждается в особом рассмотрении» [1, с. 5]. Как можно заметить, в благоприятные исторические эпохи в науке снова начинают действовать консолидирующие силы, что и приводит к возобновлению работы научных обществ.

Рассматривая личностное измерение анализируемой проблемы, следует заметить, что участие в деятельности научного общества – это не только мощный стимул для работы. Научное общество порой становится настолько важной частью судьбы ученого, что даже на пороге смерти остается тем, что привязывает к жизни. Такое поразительное свидетельство можно обнаружить в воспоминаниях профессора петербургского Горного института Д. П. Григорьева, который описал юбилейное заседание Минералогического общества, происходившее в блокадном Ленинграде 19 января 1942 г. В традиционный день и час немногие оставшиеся в живых минерологи собрались при свете коптилки в неотопливаемом зале. Путь на это заседание научного общества был не только труден для истощенных людей, но и опасен: рядом с Горным институтом находились военные заводы, и эта часть набережной постоянно обстреливалась [3, с. 81–84]. Таким образом, мемуарные факты убеждают в том, что научное общество становилось в жизни многих ученых важной направляющей силой.

Одним из первых побудительных мотивов для участия в работе научного общества становится, по-видимому, особый характер этой научной ассоциации. Как было обозначено выше, научное общество занимает *промежуточное положение* между двумя полюсами, на одном из которых – жесткая регламентация государственного научного учреждения, на другом – абсолютная

свобода семинара или кружка, которые обычно собираются вокруг одного или нескольких людей и, как правило, весьма недолговечны.

Не случайно, что в названии старейшего российского научного общества – Вольного экономического общества (1765) – на первом месте стоит слово Вольное. В терминологии XVIII в., Вольное общество – это свободное, независимое, самостоятельное, никому не подвластное, не регулируемое государством, казной. Подчеркивание неофициального статуса общества было характерно и для начала XIX в., когда были учреждены Вольное общество любителей словесности, наук и художеств, Вольное общество любителей российской словесности. Таким образом, существенной особенностью научных обществ был их неофициальный характер, это было добровольно-общественное дело.

Переходя к другим мотивам, которые влекли ученых в ряды научных обществ, необходимо выяснить прежде всего, не было ли участие в научном обществе в основном данью традициям профессионального общения. Для этого следует обратиться к причинам появления целого ряда научных обществ в России начала XIX в. (1804 г. – Общество истории и древностей российских, 1805 г. – Московское общество испытателей природы, 1817 г. – Санкт-Петербургское минералогическое общество, 1818 г. – Санкт-Петербургское фармацевтическое общество и т. д.). Это было отечественной или перенимаемой с Запада традицией научного общения? Пристальное рассмотрение истории Российского минералогического общества позволяет сделать вывод о его двойном генезисе. Оно образуется вслед за такими научными ассоциациями, как Минералогическое общество Йены (1797), Британское минералогическое общество (1799–1806), Минералогическое общество Дрездена (1816), и в списке его учредителей и членов – две трети немецких фамилий [10, с. 12]. Но научные общества быстро укореняются на российской почве и становятся органичной частью отечественной науки [11, с. 71–73]. Таким образом, Российское минералогическое общество, с одной стороны, продолжило европейскую линию развития минералогии, а с другой – двигалось в новом русле отечественной науки, которое через полвека станет главным. В других сферах отечественной науки немецкое влияние также очевидно, в том числе и в сфере форм научного взаимодействия. Но, как явствует из рассмотренных нами материалов, научное общество быстро при-

вивается на русской почве и становится живым делом.

Переходим к другим мотивам организации научных обществ.

Научное общество как точка приложения сил. В научной области всегда есть задачи, решение которых непосильно для одного человека. Поэтому в программах научных обществ столь значима идея общего дела. Так, целью Российского минералогического общества в XIX в. было составление геологической карты России. Достижение такой масштабной цели было возможно только благодаря соединенным усилиям ученых. Подобным образом в рамках Русского исторического общества стало возможным составление такого авторитетного издания, как Русский биографический словарь. Интересна формулировка лингвиста Р. О. Якобсона, который, призывая возобновить деятельность ОПОЯЗа (Общества изучения поэтического языка), писал: «Мы восстановим наш коллективный разум» [16, с. 194]. Таким образом, научное общество дает возможность объединения конкретного научного сообщества вокруг определенной крупной цели.

Научное общество как «фондодержатель». Этот мотив был одним из ведущих в XIX в., когда многие научные общества, благодаря частным пожертвованиям и государственным субсидиям, могли, аналогично современному РФФИ, финансировать научные изыскания. Так, в Российском минералогическом обществе, благодаря незаурядной энергии академика Н. И. Кокшарова, занимавшего председательское кресло не одно десятилетие, организовывались экспедиции, на которые отпускались немалые средства. Возможность исследовательской работы привлекала многих геологов и минералогов. Так, в 1892 г. Общество снарядило 3 экспедиции с финансированием на сумму 1 200 р. [8, с. 199–201]. На средства Общества был изготовлен изобретенный кристаллографом Е. С. Федоровым гониометр, а самому Федорову, находившемуся в стесненных материальных обстоятельствах, Общество дало премию [14, с. 144].

Научное общество как послеуниверситетская школа. Именно так сформулировал роль Российского минералогического общества в своей профессиональной судьбе академик А. Н. Заварицкий [10, с. 131]. Глубоко личный импульс впоследствии побуждал его энергично работать в этой сфере, оставаясь много лет на посту главы Общества. Мемуаристика ученых

часто содержит воспоминания о поддержке, которую получает молодой человек в своем научном сообществе. Так, академик Н. И. Кокшаров писал, что ему, «новичку, шедшему ощупью», часто разочаровывавшемуся в себе как в исследователе, научное общество не раз помогало в начале пути: «Общаясь, получаешь новые силы и указание пути <...> и я продолжал мои наблюдения с удвоенным рвением» [7, с. 99].

Геолог А. А. Иностранцев в своих воспоминаниях также писал о той благодетельной роли, которую сыграло Петербургское Общество естествоиспытателей для его становления как ученого. После окончания университета Иностранцев, несмотря на стойкий интерес к науке, подумывал «пойти куда-нибудь на завод», поскольку публичные формы научного общения давались ему нелегко. И лишь избрание секретарем Петербургского Общества естествоиспытателей позволило ему утвердиться как ученому. Впоследствии Иностранцев проводил по этому пути и своих учеников: «Зная это по собственному опыту, в позднейшей своей деятельности я почти всегда старался провести в секретари отделения тех из моих ассистентов, которые страдали тем же недостатком, что и я. Таким путем развернулись силы у В. В. Докучаева, Н. А. Соколова, П. Н. Венюкова и т. д., которые прежде до того конфузились перед публикой на своих докладах, что эти последние, несмотря на большой научный интерес, проходили малозамеченными» [6, с. 86].

Научное общество как стимул для индивидуальной работы. Как свидетельствует мемуаристика, большинство ученых чувствуют необходимость в научном общении, в обмене информацией и впечатлениями; история науки знает не так много ученых-отшельников, для которых разного рода научные ассоциации – это суэта, отвлекающая от дела.

Научное общество как хранитель профессиональных традиций и научной этики. Морально-этическая составляющая становится серьезным основанием для участия в деятельности научного общества. Как и в других сферах, в научном мире важны моральные ориентиры, поэтому значительную роль играют те люди, чьи имена стали воплощением профессиональной чести. Так, когда акад. А. П. Карпинский возглавлял Российское минералогическое общество, никогда не возникало конфликтов и споров из-за распределения финансов; одно его участие в любом «проекте» обеспечивало высоту научной

этики. Об этом свидетельствовал профессор А. П. Герасимов: «Много такта и знаний требовалось от председателя, когда приходилось <...> распределять те небольшие суммы, которые отпускались Обществу на производство исследований в поле; надо было выбрать достаточно интересный объект исследований и вместе с тем такой, который не привлекал бы к себе внимания других научных организаций, надо было подыскать исполнителя, которому намеченная задача была бы близка и интересна и который оказался бы достойным доверия Общества. Трудно учесть все то моральное влияние, какое такой человек, как Александр Петрович Карпинский, имел на наше Общество» [2, с. 7].

В воспоминаниях языковеда Р. М. Фрумкиной подчеркивается существенная роль научной этики и для собственно научного результата: «Особую важность для становления лингвистов моего поколения имели этические нормы, установившиеся в этом новом сообществе <...> Все эти ученые, безусловно, принадлежали к научной элите. Как подлинные русские интеллигенты, они были людьми социальными. Именно осознание своей социальной миссии отличает элитарную интеллигенцию от высоколобых зазнаек. Наличие таких людей и организует ученых в ценностную среду, которая может быть названа научным сообществом. Эта среда живет по неписаным законам, которые составляют научно-этическую традицию <...> Именно он предохраняет общество от распада ценностных ориентиров» [13, с. 100].

Научная этика предполагает и чувство благодарности коллегам – и живущим, и уже ушедшим. Такого рода человеческие связи воспринимались как особое родство «по научной линии», и в мемуаристике многих ученых примечательны метафоры родства. Российское минералогическое общество – это родной *Дом*, а предшественники в науке – *предки* (у Н. И. Кокшарова); это *братство* (у А. П. Карпинского); это *дитя*, нуждающееся в заботе (у профессора П. В. Еремеева) [9, с. 132]. В мемуарном очерке «Шестьдесят лет в Минералогическом обществе» кристаллограф И. И. Шафрановский, вспоминая себя и своих молодых коллег, также прибегает к метафоре родства: «...наши первые выступления, *отечески* воспринятые и поддержанные старшими членами общества во главе с его президентом, незабвенным А. П. Герасимовым» [15, с. 185].

Понятие «*научной семьи*» (формулировка арабиста И. Ю. Крачковского) [4, с. 53] явно выри-

совывается в мемуаристике ученых, заслоняя мотивы научного соперничества. Этот побудительный мотив участия в научном обществе, мотив научного родства, тесно переплетается с последующим.

Научное общество как осуществление «связи времен», как воплощение научной традиции и обеспечение преемственности в науке. Объединяя ученых разных поколений, научное общество становится мощным средством взаимообмена методами и приемами исследования между «старшими» и «младшими». Необходимость таких профессиональных связей сформулирована в воспоминаниях о лингвисте А. А. Реформатском: «Но живая традиция – это не только книги и статьи. Это прежде всего заповедь способа бытия в науке и в обществе, это уроки жизнотворчества. Живая традиция реализуется в людях <...> Вспоминая Реформатского, я – в который уже раз – утверждаюсь в мысли, что подобную связь осуществляют прежде всего люди его типа. Они образуют ту ценностную среду, которая поддерживает этические образцы и обеспечивает трансляцию культуры» [13, с. 204].

Возможно, синтез названных мотивов и объясняет позицию больших ученых, стоявших во главе научных обществ. Для них научное общество связывалось с ответственностью за общее дело и пониманием необходимости сохранять научные традиции. Поэтому они и шли на то, чтобы нести на себе бюрократический груз и – применительно к XIX в. – искать меценатов. Научное общество как способ выживания науки и как глубинная внутренняя потребность оказываются в единстве.

Категория научного долга четко обрисована в мемуарном очерке академика И. Ю. Крачковского: «Как севастопольские солдаты, которым месяц зачитывался за год, мы давно выслужили свои сроки и имеем право на отдых, но мы забытые часовые и не уйти нам со своего поста, а если не подойдет смена, мы на нем кончим жизнь» [4, с. 300].

Подводя итоги, необходимо сказать, что в разные эпохи существования научных обществ одни из выделенных мотивов становились первостепенными, другие уходили на задний план. Но, как свидетельствуют мемуары ученых, неизменным оставалось переплетение соображений, с одной стороны, научного долга, а с другой – духовной потребности в профессиональном сообществе.

Библиографический список

1. Вершик, А. М. О Ленинградском математическом обществе [Текст] / А. М. Вершик // Труды Санкт-Петербургского математического общества. – Т. 1. – 1990.
2. Герасимов, А. П. Краткий очерк жизни и деятельности А. П. Карпинского [Текст] / А. П. Герасимов // Записки Всероссийского минералогического общества. – 1937. – Ч. 66. – Вып. 1.
3. Григорьев, Д. П. Пропущенные страницы истории Минералогического общества [Текст] / Д. П. Григорьев // Записки Российского минералогического общества. – 1968. – Ч. 97. – Вып. 1.
4. Долинина, А. А. Невольник долга (Биография И. Ю. Крачковского) [Текст] / А. А. Долинина. – СПб. : Петербургское востоковедение, 1994.
5. Ильинская, Т. Б. «Воспоминания» Н. И. Кокшарова: становление минералога [Текст] / Т. Б. Ильинская // Российское минералогическое общество глазами современников : сборник статей по истории геологических знаний. – СПб. : Лема, 2017.
6. Иностранцев, А. А. Воспоминания [Текст] / А. А. Иностранцев. – СПб. : Центр «Петербургское Востоковедение», 1998.
7. Кокшаров, Н. И. Воспоминания [Текст] / Н. И. Кокшаров // Русская старина. – 1890. – № 3–6.
8. Отчет о деятельности Общества [Текст] // Записки Императорского Санкт-Петербургского минералогического общества. – 1892. – Ч. 29.
9. Павел Владимирович Еремеев (Некролог-воспоминание, без подписи) [Текст] // Известия Геологического комитета. – 1899. – Т. 18. – № 1.
10. Соловьев, С. П. Всесоюзное минералогическое общество и его роль в развитии геологических наук [Текст] / С. П. Соловьев. – Л. : Наука, 1967.
11. Степанский, А. Д. История общественных организаций дореволюционной России [Текст] / А. Д. Степанский. – М., 1987.
12. Тимофеев-Ресовский, Н. В. Воспоминания [Текст] / Н. В. Тимофеев-Ресовский. – М., 1993.
13. Фрумкина, Р. М. О нас – наискосок [Текст] / Р. М. Фрумкина. – М. : Русские словари, 1997.
14. Шафрановский, И. И. Е. С. Федоров [Текст] / И. И. Шафрановский. – М. – Л., 1963.
15. Шафрановский, И. И. Шестьдесят лет в Минералогическом обществе [Текст] / И. И. Шафрановский // 200 лет Российскому минералогическому обществу : исторический сборник. – СПб. : ВСЕГЕИ, 2017.
16. Якобсон, Р. О. Письмо Ю. Н. Тынянову от 5 декабря 1929 г. [Текст] / Р. О. Якобсон // Вопросы литературы. – 1984. – № 12.

Reference List

1. Vershik, A. M. O Leningradskom matematicheskom obshhestve = Leningrad mathematical society [Tekst] / A. M. Vershik // Trudy Sankt-Peterburgskogo matematicheskogo obshhestva = Works

of St. Petersburg mathematical society. – T. 1. – 1990.

2. Gerasimov, A. P. Kratkij ocherk zhizni i dejatel'nosti A. P. Karpinskogo = Sketch on A. P. Karpinsky's life and activity [Tekst] / A. P. Gerasimov // Zapiski Vserossijskogo mineralogicheskogo obshhestva = Notes of the All-Russian mineralogical society. – 1937. – Ch. 66. – Vyp. 1.

3. Grigor'ev, D. P. Propushhennye stranicy istorii Mineralogicheskogo obshhestva = The missed pages of history of the Mineralogical society [Tekst] / D. P. Grigor'ev // Zapiski Rossijskogo mineralogicheskogo obshhestva = Notes of the Russian mineralogical society. – 1968. – Ch. 97. – Vyp. 1.

4. Dolinina, A. A. Nevol'nik dolga (Biografija I. Ju. Krachkovskogo) = Slave of debt (I. Yu. Krachkovsky's Biography) [Tekst] / A. A. Dolinina. – SPb. : Peterburgskoe vostokovedenie, 1994.

5. Il'inskaja, T. B. «Vospominanija» N. I. Koksharova: stanovlenie mineraloga = N. I. Koksharov's «memoirs»: formation of the mineralogist [Tekst] / T. B. Il'inskaja // Rossijskoe mineralogicheskoe obshhestvo glazami sovremennikov : sbornik statej po istorii geologicheskikh znaniy = Russian mineralogical society by contemporaries' eyes: the collection of articles on history of geological knowledge. – SPb. : Lema, 2017.

6. Inostrancev, A. A. Vospominanija = Memoirs [Tekst] / A. A. Inostrancev. – SPb. : Centr «Peterburgskoe Vostokovedenie», 1998.

7. Koksharov, N. I. Vospominanija = Memoirs [Tekst] / N. I. Koksharov // Russkaja starina. – 1890. – № 3–6.

8. Otchet o dejatel'nosti Obshhestva = Report on activity of the Society [Tekst] // Zapiski Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo mineralogicheskogo obshhestva =

Notes of Imperial St. Petersburg mineralogical society. – 1892. – Ch. 29.

9. Pavel Vladimirovich Eremeev (Nekrologovospominanie, bez podpisi) = Pavel Vladimirovich Eremeev (Obituary reminiscence, unsigned) [Tekst] // Izvestija Geologicheskogo komiteta = News of Geological committee. – 1899. – T. 18. – № 1.

10. Solov'ev, S. P. Vsesojuznoe mineralogicheskoe obshhestvo i ego rol' v razvitanii geologicheskikh nauk = All-Union mineralogical society and its role in development of geological sciences [Tekst] / S. P. Solov'ev. – L. : Nauka, 1967.

11. Stepanskij, A. D. Istorija obshhestvennykh organizacij dorevoljucionnoj Rossii = History of public organizations of pre-revolutionary Russia [Tekst] / A. D. Stepanskij. – M., 1987.

12. Timofeev-Resovskij N. V. Vospominanija = Memoirs [Tekst] / N. V. Timofeev-Resovskij. – M., 1993.

13. Frumkina, R. M. O nas – nayskosok = About us – obliquely [Tekst] / R. M. Frumkina. – M. : Russkie slovari, 1997.

14. Shafranovskij, I. I. E. S. Fedorov = E. S. Fedorov [Tekst] / I. I. Shafranovskij. – M. – L., 1963.

15. Shafranovskij, I. I. Shest'desjat let v Mineralogicheskome obshhestve = Sixty years in the Mineralogical society [Tekst] / I. I. Shafranovskij // 200 let Rossijskomu mineralogicheskome obshhestvu : istoricheskij sbornik. 200 years of the Russian mineralogical society: historical collection. – SPb. : VSEGEI, 2017.

16. Jakobson, R. O. Pis'mo Ju. N. Tynjanovu ot 5 dekabnja 1929 g. = The letter to Yu. N. Tynyanov dated from December 5, 1929 [Tekst] / R. O. Jakobson // Voprosy literatury. – 1984. – № 12.